

Лунный свѣтъ изъ Ясной Поляны.

Статья **Леонида Галича.**

(Къ годовщинѣ смерти Толстого.)

Ровно четыре года назадъ Толстой ушелъ изъ Ясной Поляны, изъ условій «празднаго, неразумнаго и неправеднаго существованія», въ праведность, свободу и смерть.

Толстой ушелъ, Ясная Поляна осталась. Правда, она какъ будто осиротѣла. На станціи Козлова-Засѣка не слѣзаютъ больше корреспонденты съ записными книжками, фотографы съ шелкающими кодками, начинающіе и не совсѣмъ начинающіе писатели съ ждущими благословенія рукописями. Пусто стало въ Ясной Полянѣ. Тихо стало въ Ясной Полянѣ. Но все же стоитъ она, какъ прежде, — крѣпкая, кряжистая, глубоко вросшая въ землю, какъ стояла пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, когда бѣгала по ея двору и прыгала, позванивая ключами, черезъ заборы юная и дѣвически-стройная, но и тогда уже дѣловитая и хозяйственная «графинюшка» (вспомните знаменитое письмо Л. Н. Толстого къ Фету!).

Ясная Поляна жива. Живы собственность, семья, государство; живы тѣ ученныя учрежденія, гдѣ «не по заслугамъ оплачиваемыми людьми зарисовываются никому не нужныя рѣснички и хвостики» на «рѣшительно никому не нужныхъ» «прѣющихъ комочкахъ матеріи (протоплазмы)»; живы наконецъ и театры, и особенно самый изъ нихъ ненужный и даже вредный — балетъ, гдѣ — помните статью объ искусствѣ? — «полураздѣтыя женщины дѣлають неприличныя тѣлодвиженія»; живо и стоитъ то, отъ чего думалъ убѣждать и освободиться четыре года тому назадъ Левъ Толстой, вышедши искать правду и нашедши смерть.

Ничего не уничтожилъ Толстой — ни своей сверкающей критикой, ни своимъ прекраснымъ уходомъ. Даже и того не случилось, что земля съ его отъездомъ отъ жизни приобрѣла новаго отшельника или святого. Та же дѣловитая Китти, которая когда-то, въ дни юности, такъ хозяйственно звенѣла ключами около него, плакала и у его смертнаго одра. Тѣ же столько разъ имъ осмѣянные доктора дѣлали около его умирающаго мозга и останавливающагося сердца свое — увы! — «ненужное» дѣло. Да пожалуй и тѣ же корреспонденты и фотографы суетились за стѣной его комнаты. Писателемъ, супругомъ, отцомъ, — тѣмъ именно, чѣмъ онъ не хотѣлъ быть, отъ чего бѣжалъ и чѣмъ неустранимо, фатально оставался до послѣдняго вздоха, — но нисколько не свободнымъ отшельникомъ, не индусскимъ или христіанскимъ святымъ ушелъ Толстой изъ нашего міра.

И взошло солнце, и засвистѣли гудки на фабрикахъ, и пошелъ рабочій къ станку, судья — въ судъ, купецъ — въ лавку, полицейскій приставъ — въ участокъ, ученый — къ микроскопу и гальванометру, балетчикъ — репетировать свои танцы. Всѣ пошли къ «ненужному, неразумному», отвергнутому Толстымъ дѣлу. И самъ онъ прославляется человѣчествомъ какъ создатель «Войны и Мира», «Анны Карениной», т. е., по его же опредѣленію, «безнравственныхъ и соблазнительныхъ сочиненій».

Кажется, никогда не было примѣра столь великой, потрясающей неудачи и въ общественной, и въ личной судьбѣ. Толстой мечталъ пересоздать общество (въ восьмидесятыхъ годахъ онъ предсказываетъ, что это обновленіе человѣчества совершится

не позже какъ черезъ 10—15 лѣтъ), но въ обществѣ ничто не перемѣнилось. Онъ мечталъ пересоздать и себя — сдѣлаться отшельникомъ, схимникомъ, но остался баринкомъ и писателемъ. Ничего не вышло изъ его великихъ усилій. Просто-напросто получилась ошѣчка. По всѣмъ пунктамъ восторжествовали графиня Софья Андреевна и Ясная Поляна.

И развѣ нужно этому удивляться? Развѣ то, что отрицалось Толстымъ, не побѣждаетъ всегда и вездѣ? Развѣ самъ онъ не описалъ этой побѣды наташинаго узкаго материнства, наташинаго мужелюбія, наташиной семейственности надъ масонскими идеями Пьера? Развѣ Левинъ, когда попалъ въ клубъ, не ощутилъ своего рода блаженства даже просто отъ хорошо накрытыхъ столовъ?

«У насъ домъ — полная чаша», — писала въ 60-хъ годахъ молодая графиня Софья Андреевна Фету. У человѣчества тоже «домъ — полная чаша», и не такъ-то легко заставить его отказаться отъ блистающихъ бѣлизной скатертей, отъ заводовъ, медицины, трамваевъ, даже отъ ужаснаго зрѣлища «дѣлающихъ непристойныя тѣлодвиженія» балеринъ.

Толстой началъ съ изумительнаго успѣха («Меня считали чудеснымъ писателемъ и поэтомъ, — пишетъ онъ, вспоминая о своемъ 25-лѣтнемъ возрастѣ, — у меня были деньги, слава, женщины») — и кончилъ потрясающей неудачей. Вышелъ для того, чтобы побѣдить, и ушелъ — чего ужъ скрывать — побѣжденнымъ. А жизнь течетъ и улыбается, и играетъ, и ей дѣла нѣтъ до несбывшихся упованій и до грозныхъ, сокрушительныхъ правдъ, несенныхъ этимъ сломаннымъ ею человѣкомъ въ могилу.

Но какія-то эфирныя волны все же бѣгутъ и отъ этой великой неудачи, и отъ этой все же трогательной могилы. Какой-то лунный, пепельный свѣтъ, непохожій на дневной, солнечный. Тамъ лежитъ «чудесный писатель и поэтъ», который не хотѣлъ быть писателемъ, тамъ лежитъ, можетъ быть, одинъ изъ самыхъ богатыхъ жизненными благами богачей, который не захотѣлъ этихъ благъ, тамъ лежитъ вообще отказавшійся и отрекшійся «правды ради». Конечно онъ нашелъ только смерть. Чѣмъ же инымъ можетъ отвѣтить міръ, можетъ отвѣтить природа на такія неразумныя настоянія? Природа хорошо знаетъ въ своей глубокой киттиной мудрости, наташиной мудрости, николенкиной мудрости, что много еще нужно «неправды», много темнаго, жестокаго, злого. много наконецъ мукъ — для того, чтобы «исполнилась мѣра».

Когда-то это зналъ и Толстой.

«Соня — пустоцвѣтъ», — пишетъ онъ въ «Войнѣ и Мирѣ» — она хорошая, милая, добрая, но въ ней нѣтъ — какъ бы это тебѣ сказать? — *здороваго эгоизма*».

И Соня чахнетъ, и Толстой этимъ на возмущается. *Тотъ* Толстой — время молодости, когда такъ весело было слышать около себя дѣловитое позвякиваніе ключей въ рукахъ яснополянской хозяйки.

Но — странно! — эта мудрость не трогаетъ. А вотъ когда «чудесный писатель» въ мокрую ноябрьскую ночь уходитъ отъ «здороваго эгоизма» — въ праведность, свободу и смерть, — это трогаетъ, томить, обжигаетъ. И великая толстовская неудача — конечно неизбежная неудача, разумѣется, необходимая неудача! — мерцаетъ фантастическимъ свѣтомъ на его могилѣ, какъ чудесный ореолъ или нимбъ.

Леонидъ Галичъ.